

Поэтическая мысль И. Г. Павлова в позднесоветской интеллектуальной истории (предисловие к публикации)¹

Илья Павлов-мл.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: elijahpavloff@yandex.ru

Аннотация. Настоящий текст предвещает публикацию статьи северодвинского поэта, филолога и журналиста Ильи Георгиевича Павлова (1954–1992) «Горы и воды Тютчева (миф и символ в лирике Тютчева)», написанной в 1984 году. Творческое наследие И. Г. Павлова не столь известно не только широкой публике, но и исследователям позднесоветской интеллектуальной истории, как знаковые фигуры уровня А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева или В. В. Бибикина, что во многом связано с жизнью Павлова в закрытом военном городе, а также с его ранней смертью: и сборники стихов, и подборка из трех стихотворений в «Вестнике РХД», опубликованная в 1992 году, вышли посмертно. При этом Павлов постоянно стремился получить доступ к актуальной философской, религиозной и филологической литературе — что в большей степени удалось во время обучения в Петрозаводском государственном университете, где и было подготовлено публикуемое исследование, — а также наладить контакты с общероссийской и зарубежной культурной жизнью: Павлов писал С. С. Аверинцеву и имел с ним телефонный разговор, лично общался и был в переписке с Ю. М. Кублановским, который и помог с публикацией стихов в эмигрантском «Вестнике РХД». Статья «Горы и воды Тютчева...» публикуется впервые; публикация подготовлена по машинописи из архива покойной матери поэта. Предлагаемый вниманию читателей вариант был написан И. Г. Павловым на основе курсовой работы и, согласно пометке его матери на машинописи, отправлялся в журнал «Вопросы литературы», где, однако, в советское время не был опубликован из-за религиозного содержания. Во вступительном тексте сына поэта, И. И. Павлова, подготовившего публикацию машинописи, творческое наследие И. Г. Павлова рассматривается в контексте позднесоветской интеллектуальной истории, а также анализируется значение «Гор и вод Тютчева...» для реконструкции религиозно-философского мирозерцания И. Г. Павлова, представленного в его стихах.

Ключевые слова: российская интеллектуальная история, русская культура, поэзия, И. Г. Павлов, Ф. И. Тютчев.

Для цитирования: Павлов-мл. И. (2025). Поэтическая мысль И. Г. Павлова в позднесоветской интеллектуальной истории (предисловие к публикации) // Patria. Т. 2. № 4. С. 108–123.

doi:10.17323/patria.2025.28515

I. G. Pavlov's Poetic Thought in the Late Soviet Intellectual History (Preface to the Publication)²

Ilia Pavlov, Jr.

HSE University (Moscow)

E-mail: elijahpavloff@yandex.ru

Abstract. The introductory text precedes the publication of the article by Severodvinsk poet, philologist, and journalist Ilia Georgievich Pavlov (1954–1992), titled *Tyutchev's Mountains and Waters: Myth and Symbol in Tyutchev's Lyrics*, written in 1984. The creative legacy of I. G. Pavlov is not as widely recognized not only by the general public but also by researchers

of late Soviet intellectual history, compared to iconic figures like A. F. Losev, S. S. Averintsev, or V. V. Bibikhin. This relative obscurity is largely due to Pavlov's life in a closed military city and his early death; his poetry collections and a selection of three poems published in *Le Messenger* journal in 1992 appeared posthumously. Nevertheless, Pavlov consistently sought access to relevant philosophical, religious, and philological literature — largely succeeding during his studies at Petrozavodsk University, where the published research was prepared — and aimed to establish connections with Russian and foreign cultural circles. He corresponded with S. S. Averintsev and had a telephone conversation with him, as well as maintained dialogue and correspondence with Yu. M. Kublanovsky, who assisted in publishing poems in the émigré *Le Messenger*. The article *Tyutchev's Mountains and Waters* is published for the first time, based on a typescript from the archive of the poet's mother. The version offered to readers was written by I. G. Pavlov based on a term paper and, according to his mother's note on the typescript, was submitted to the *Voprosy Literature* journal but remained unpublished during Soviet times due to its religious content. In the introductory text, I. I. Pavlov, the poet's son and the publisher of the typescript, considers I. G. Pavlov's creative legacy in the context of late Soviet intellectual history and evaluates the significance of *Tyutchev's Mountains and Waters* within I. G. Pavlov's religious-philosophical worldview as it presented in his poems.

Keywords: Russian intellectual history, Russian culture, poetry, I. G. Pavlov, F. I. Tyutchev.

For citation: Pavlov I., Jr. (2025) "I. G. Pavlov's Poetic Thought in the Late Soviet Intellectual History (Preface to the Publication)", *Patria*, vol. 2, no. 4, pp. 108–123.

doi:10.17323/patria.2025.28515

В Архангельской области, и особенно в городе Северодвинске, имя поэта, филолога, журналиста и религиозного мыслителя Ильи Георгиевича Павлова (1954–1992) в культурной среде довольно хорошо известно, а его стихи обрели признание. Так, в 1994 году в Северодвинске была учреждена городская литературная премия им. Ильи Павлова; в 1995 году Павлов посмертно стал первым лауреатом областной литературной премии им. Николая Рубцова; в 1999 году в Северодвинске состоялись первые Павловские чтения (Кочуров, 2002). Поэзия Павлова становится темой научных исследований областного уровня (Лошаков, Попов, 2018). Тем не менее на общероссийском уровне творческое наследие Павлова — особенно если говорить об этом наследии в плане не только поэзии, но и истории мысли — остается неизвестным не только широкой публике, но и исследователям российской интеллектуальной истории.

Неофициальную, в том числе религиозную, позднесоветскую мысль мы знаем в основном в столичном формате. Мы можем вспомнить те практики по реферированию и переводу зарубежной философской, научной и религиозной литературы в ИНИОН РАН, о которых пишет Биbihин в эссе «Для служебного пользования» (Биbihин, 2003: 181–208), деятельность круга А. Ф. Loseva (Гравин, 2025), лекции С. С. Аверинцева. Если говорить о Ленинграде, то можно назвать переписывавшуюся с М. Хайдеггером Т. Горичеву, участницу альманаха «Женщина и Россия», а также ряд других имен и площадок. Мы видим, что в случае Москвы и Ленинграда у религиозных интеллектуалов, несмотря на известные ограничения, все же были каналы знакомства с актуальной гуманитарной и философской литературой, а также создания разного рода институциональных контекстов интеллектуальной работы в направлениях, альтернативных официальной атеистической идеологии.

В случае же провинции все было сложнее. Особенно это касается закрытых военных городов, к каковым относился в советское время и Северодвинск. Причем, что интересно, книги запрещенных литераторов — поэтов и прозаиков — в формате самиздата достать было проще, чем профессиональную философскую литературу и религиозные источники. Так, мать Ильи Павлова, Зарина Ивановна Павлова (публиковавшаяся в местной печати под девичьей фамилией Богданова), в книге воспоминаний о сыне пишет, что у Павлова было издание «Ракового корпуса» Солженицына (Богданова, 1995: 39). Возможность же знакомства с философскими трудами и религиозными книгами Павлов характеризует следующими строками из (во многом автобиографического) стихотворения «П лицо единственное число» из цикла «Местоимения»:

Ты с жадностью по крохам собирал
слова Вивекананды, Рамакришны
и Юнга, Шопенгауэра, Ницше
по нескольким фрагментам представлял.

(Павлов, 2001: 49)

Другими словами, философские и религиозные концепции Павлову зачастую приходилось «представлять» по отдельным фрагментам, приводимым (как правило, в критическом ключе) в советской печати, а не по первоисточникам.

На наш взгляд, обращение к такому неочевидному сюжету, как творческое наследие И. Г. Павлова (а также к другим подобным кейсам), позволяет расширить наше представление о позднесоветской интеллектуальной истории — в плане как непосредственно истории идей, так и социологии знания и истории различных институциональных контекстов. Отметим также, что осознание отличия контекста Павлова (недоступность или, по крайней мере, труднодоступность интересовавшей его философской и религиозной литературы) от тех возможностей, которые могла предоставить столица, позволяет также лучше понять стоящие за поэзией Павлова религиозно-философские интуиции, о чем будет сказано далее.

Тем не менее Павлов постоянно стремился не только получить доступ к нужной ему литературе, но и наладить связи с более широкими интеллектуальными кругами. Первое ему в большей степени, чем это было возможно в Северодвинске, удалось во время обучения на историко-филологическом факультете Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена (1980–1986), в рамках которого и было проведено исследование, составляющее публикуемую нами статью. Однако отметим, что, например, с философией М. Хайдеггера на момент написания статьи (1984 год³) Павлов знаком не был и узнал о Хайдеггере, согласно воспоминаниям вдовы поэта, Марины Александровны Васильевой, лишь в последние годы жизни — вероятнее всего, благодаря изданию перевода «Основных понятий метафизики» со вступительной статьей В. В. Библихина в «Вопросах философии» в 1989 году (Библихин, 1989). Это при оценке статьи Павлова также важно учитывать.

Что же касается интеллектуальных контактов, то Павлов, увидев в журнале «Вопросы литературы» статью С. С. Аверинцева о К. Г. Юнге (значение этой работы для мысли Павлова очевидно из публикуемой статьи), заинтересовался Аверинцевым, стал следить за его работами и — в соавторстве с Владимиром Петровым — в 1976 году написал ему письмо об образе Иешуа из «Мастера и Маргариты» в связи с темой отношений божественного и человеческого во Христе (Павлов, 2001: 173). Намного позднее, в 1989 году, состоялся и телефонный разговор Павлова с Аверинцевым (Богданова, 1995: 10–11). Больше, чем с Аверинцевым, Павлов общался с Ю. М. Кублановским, с которым был в переписке, созванивался и встречался в Москве⁴. С Кублановским Павлов познакомился во время поездки в Москву через В. Кондратьева, которому Павлов также писал (Богданова, 1995: 48–49). По воспоминаниям матери поэта, об опубликованной беседе Павлова с Кублановским «В одиночку нам не спастись» одобрительно высказался Солженицын (Богданова, 1995: 49). В конечном счете благодаря Кублановскому три стихотворения Павлова были опубликованы в эмигрантском «Вестнике Русского христианского движения» Н. А. Струве — уже посмертно (Павлов, 1992).

На малой родине широкое и официальное признание пришло к Павлову в последние годы жизни — с момента начала работы в редакции городской газеты «Северный рабочий». Как журналист Павлов стал популярной фигурой, но ранняя смерть не позволила ему дожидаться выхода в печать первого, подготовленного им сборника стихов «Делатель совести» (Павлов, 1993). Два других сборника также вышли уже посмертно⁵ (Павлов, 2001, 2008). В целом интеллектуальные возможности для Павлова открылись только с началом перестройки. До этого он, будучи филологом, работал на заводе, а затем художником-оформителем в северодвинском Дворце культуры им. Ленинского комсомола; возможность работать в университете у него появилась только в 1989 году. По воспоминаниям вдовы поэта, работа Павлова в университете состоялась по приглашению Тамары Дмитриевны Румянцевой, тогда директора северодвинского филиала Поморского государственного университета (ныне — Гуманитарный институт САФУ). По совместительству с основной работой художника-оформителя Павлов в 1990 году прочитал два курса — «Белые пятна в русской литературе» и по античной литературе (включая, как следует из материалов курсов, сохранившихся в архиве, экскурсии в античную философию). Когда в 1991 году Павлов поменял основное место работы и перешел в «Северный рабочий» — куда он писал начиная с 1987 года (Кочуров, 2002) — на специально созданную под него должность редактора-обозревателя по вопросам политики, литературы и религии, ему из-за занятости пришлось отказаться от преподавательской нагрузки.

По воспоминаниям вдовы, Павлов уход из университета в редакцию газеты воспринимал не как понижение — скорее наоборот. Более значимой, чем исследовательская и педагогическая работа, Павлов для себя видел работу просветительскую — особенно если она предполагала обращение к более широкой, чем в университете, аудитории и позволяла открыто говорить о православном христианстве. Собственно, именно из-за

религиозной позиции⁶, отраженной в том числе в стихах, Павлову было затруднительно публиковаться и работать в качестве интеллектуала на официальных советских площадках до перестройки и демонтажа атеистической идеологии (Богданова, 1995: 39–40). Теперь же он мог писать аналитические статьи по вопросам религии и культуры, не скрывая своих религиозных взглядов. Более того, он создает в газете рубрику «Месяцеслов»⁷. Последняя, по воспоминаниям Семена Васильевича Тюкачева, коллеги Павлова, не носила характера прямой проповеди:

В новой рубрике не было призывов сменить пионерские галстуки, комсомольские значки и партбилеты на нателные крестики. «Месяцеслов» носил чисто просветительский характер. Ежемесячное появление его в «Северном рабочем» можно, пожалуй, сравнить с призывным звоном колоколов, оповещающих горожан, что пора идти в церковь, позаботиться о своей душе. Рассказывая о церковных праздниках, журналист Илья Павлов как бы возвращал читателям историческую память, выводил их из нигилистического безумия, в которое их ввергли воинствующие безбожники (Тюкачев, 1997: 66).

Тем не менее и чисто просветительская рубрика на религиозную тему после десятилетий официального атеизма стала для города событием:

...когда в «Северном рабочем» появилась рубрика «Месяцеслов», что на современном языке означает «православный календарь», не только я один, но и многие коллеги испытали нечто сродни настроению человека, вышедшего из маленького домика с затхлым воздухом на залитую солнечным светом улицу. Народные праздники, церковная терминология, слова — Бог, Христос, апостолы, пресвятая Богородица, Рождество, Пасха — все это было как глоток свежего воздуха. Материалы рубрики, напрямую связанные с духовной жизнью, несмотря на непривычное, если не сказать, устрашающее по тем временам (начало 90-х годов) графическое оформление — я имею в виду православный крест рядом с заголовком — несли в себе радость, придавали запутанной, замешенной на нигилизме жизни ясный смысл, соединяли разорванную связь между поколениями русских людей (Тюкачев, 1997: 65).

Из-за ранней смерти Павлов вел «Месяцеслов» менее двух лет (Тюкачев, 1997: 66), однако многие годы рубрика существовала и после его смерти.

Таким образом, на малой родине Павлова знают как поэта, журналиста и, если можно так выразиться, религиозного активиста эпохи перестройки и первых лет православного возрождения⁸. По опубликованным текстам может сложиться впечатление, что более крупных и тем более научно-содержательных работ, чем стихи и газетные заметки, у Павлова нет. Но как минимум одна такая работа есть — статья, посвященная исследованию поэзии Тютчева. Более того, из нее можно сделать ряд выводов о взаимосвязи стихов Павлова с его религиозно-философскими интуициями, что также позволит лучше понять место мысли Павлова в контексте позднесоветской и, шире, российской интеллектуальной истории.

Статья И. Г. Павлова о Тютчеве была обнаружена нами в архиве покойной матери поэта. Согласно ее пометке на машинописи, по которой и публикуется статья, текст представляет собой переработанную версию

курсовой работы 4-го курса для отправки в журнал «Вопросы литературы» — где она, однако, была отклонена из-за религиозного содержания.

В целом наследие Павлова представлено двумя архивами. Первый из них — архив вдовы поэта, Марины Александровны Васильевой, вместе с Павловым работавшей в «Северном рабочем», — представляет собой тумбу письменного стола и содержит газетные и журнальные публикации и рукописные оригиналы, черновики и записные книжки, посмертные публикации о Павлове. Второй — архив покойной матери поэта, унаследованный автором этих строк, — представляет собой пакет с пятью папками, записной книжкой и Новым Заветом.

Поскольку статья о Тютчеве публикуется по архиву матери поэта, остановимся на нем подробнее. Его материалы включают: письма (примечательны два письма Юрия Кублановского по поводу стихов Павлова); оригиналы (машинописные и рукописные) стихов; материалы курсов, читавшихся в филиале Поморского университета (в школьных тетрадах; тетради содержат конспекты лекций и вопросы к семинарам), — «Белые пятна в русской литературе» (в тетрадах по нему упоминается и русская философия, в частности Николай Бердяев) и курса по античной литературе (третья тетрадь Павлова посвящена «философской прозе», то есть античной философии; наиболее подробно представлен Платон, но в целом тетрадь охватывает материал от ионийской школы до философии эпохи эллинизма). Матерью поэта также собраны и включены в архив выпуски газет со статьями о Павлове, вышедшие после его смерти.

Работа о Тютчеве представлена в архиве следующим образом. Есть отдельная папка с той версией текста, которая нами публикуется. Папка озаглавлена: «И. Павлов. Горы и воды Тютчева». В папке содержится машинопись; именно этот экземпляр наиболее сохранен. На титульном листе машинописи, помимо имени автора и названия с подзаголовком, справа написано: «Курсовая работа студента IV курса Петрозаводского государственного университета. (Сокращенный вариант, который посылался в журнал “Вопросы литературы”, но не был напечатан, т. к. это было еще до “реабилитации” православного христианства. З.П.⁹)». Машинопись состоит из 50 пронумерованных страниц.

В пакете также есть папка «Черновики работы о Тютчеве», содержащая два комплекта (машинописи с правкой от руки вперемешку с рукописными листами) и лист с планом. Приведем его:

ПЛАН

I. Вводная глава.

Миф в литературе, проблемы методологии.

II. Теория архетипов и мифологемы ионийской натурфилософии как основные источники понимания символики Тютчева.

III. Шеллингианские идеи в лирике Тютчева.

а) романтическая концепция творчества

б) романтический пейзаж

в) символика «Безумия» и Шеллинг

г) мифологизм «Осеннего вечера»

IV. Заключение.

Миф — неиссякающий источник поэзии.

При этом в папке с письмами и черновиками писем не так много, однако есть еще одна версия работы с рецензиями из университета (видимо, это — вариант, сданный в качестве курсовой). Итого в архиве матери поэта содержится четыре версии работы, не считая дублирующих страниц. При этом три версии начинаются иначе, чем публикуемый текст, — с обсуждения не проблемы мифа в целом, а непосредственно поэзии Тютчева в контексте современных Павлову исследований: со второго абзаца начинается большой пассаж про В. Кожина, подход которого к Тютчеву Павлов оценивает положительно, хотя и полемизирует с ним. Первый абзац этих версий звучит так: «Все, кто писал о Тютчеве, единодушны в одном: он, прежде всего, лирический поэт; его творчество признаётся характернейшим выражением подлинного и чистого лиризма. При этом вопрос, что такое лиризм, обычно считается давно решенным и не стоящим специального рассмотрения». Второй абзац начинается со слов: «Редкое и приятное исключение — “Книга о русской лирической поэзии XIX века” Вадима Кожина...». В этой версии исследования есть ссылки на А. Ф. Лосева в самом тексте (в публикуемой же версии Лосев приводится только в библиографии), а также более подробно раскрыто различие мифа и метафоры, понятие символа. Интересно замечание на третьей странице в связи с отличием метафоры от мифа: «Метафора продукт современного, нового сознания, различающего “Я” и остальной мир. Понимая неизменность реального мира, художник создает нереальный образ, метафору, только в своем восприятии, на феноменальном уровне». При сравнении статьи, отправленной в «Вопросы литературы», с другими версиями можно предположить, что имела место самоцензура: Павлов решил не слишком развивать «религиозную тему», не углубляться в «идеалистическую философию», а также смягчить полемику с авторитетными советскими литературоведами.

Хотя не та версия работы, которая публикуется нами, является, судя по всему, наиболее полной, однако именно публикуемая версия — единственная почти полностью чистовая (в ней есть незначительные рукописные элементы, внесенные матерью поэта: видимо, исправления помарок машинописи; из остальных версий наиболее близкой к чистовой является та, что лежит вместе с рецензиями), а также именно она, судя по пометке матери поэта, задумывалась автором в качестве научной статьи для публикации. Этими соображениями и обусловлен выбор нами именно этой версии текста.

Отметим, что в архиве Марины Васильевой также содержится экземпляр работы о Тютчеве. Он тоже начинается со слов «Все, кто писал о Тютчеве...». Первые три страницы представлены в машинописи, остальные — в рукописном виде.

Таким образом, исследование о Тютчеве — единственная содержащаяся в архиве крупная работа Павлова. По воспоминаниям вдовы, эта работа была особенно значима для поэта: и через годы после выпуска из университета Павлов рассказывал о ней, приносил ее и давал читать.

Значимость работы о Тютчеве подтверждается и тем, что заметную часть архива составляют пять версий работы, а также дополнительные листы. На первый взгляд, странным кажется, что столь особо хранится именно курсовая 4-го курса, а не дипломная работа. Но по каким-то причинам это именно так; о дипломной же работе выпускного курса в архивах нет никаких свидетельств, как нет — в отличие от «Гор и вод Тютчева...» (Богданова, 1995: 36–37) — и ее упоминания в книге матери поэта.

В завершение вступительного слова дадим оценку значению работы о Тютчеве для реконструкции религиозно-философского мирозерцания И. Г. Павлова в контексте позднесоветской интеллектуальной истории.

На первый взгляд, из методологического раздела статьи можно сделать вывод, что в основе философии Павлова лежит учение К. Г. Юнга о коллективном бессознательном. Однако далее по тексту мы видим, что Павлов использует ссылку на Юнга, по сути, только для размежевания с рационализмом и с аллегорическим пониманием мифа. Хотя Павлов ссылается на учение Юнга об архетипах, при дальнейшей работе со стихами Тютчева он использует идею архетипов как связующее звено для того, чтобы перейти к рассмотрению Тютчева как натурфилософа, своей позицией сообщаящего нам нечто об истине и о реальности — причем о той же самой реальности, которая дана органам чувств, а не о некоей параллельной ей реальности индивидуальной или даже коллективной психики.

Какие темы философии Тютчева Павлов анализирует? Во-первых, это вопрос о поэтическом познании природы как альтернативе рационализму и сциентизму. Павлов совершенно справедливо ссылается при этом на немецких романтиков. Однако невозможно не вспомнить о важнейшем для мысли XX века философе, говорившем о поэзии как альтернативном науке способе раскрытия истины бытия, — Мартине Хайдеггере (Хайдеггер, 1993; Апаева, 2015). Как было отмечено выше, о Хайдеггере Павлов на момент написания статьи о Тютчеве не знал; никаких упоминаний Хайдеггера в статье мы не видим.

Вторая философская тема, возникающая ближе к концу статьи, — тема отношений пантеизма и христианства, рассмотренная отчасти в контексте секуляризации и рационализации. Обращаясь к вопросу о религии и к тютчевской критике секуляризации (через герменевтику стихотворения «Я лютеран люблю богослуженье»), Павлов обнаруживает проблему: стратегия реабилитации религии через натурфилософскую поэзию реабилитирует скорее пантеизм или язычество, чем христианство. Это мы, к слову, наглядно видим, например, в стихотворении Ф. Шиллера «Боги Греции», где с позиций ностальгии по античному мироощущению в равной мере критикуются как модерная «научная картина мира», расколдовывающая космос и природу, так и христианство (Шиллер, 1974). Павлов указывает, что Тютчев решает эту проблему через идею цикличности,

эстетически видя за цикличностью природы образы смерти и воскресения Христа.

Этот же ход мы встречаем и в стихах самого Павлова. Так, тема цикличности природы пронизывает стихотворение 1988 года «Черемуха»:

Как, когда-то обростала дом она!
А теперь — все окна перебиты,
Старая черемуха обломана —
Слишком уж сладка и плодovitа.

Виловатый ствол разодран натрое,
Выкручен черемуховый стан,
И раскидистое многошатрие
Полегло в крапиву и бурьян.

Ягоды чернеют одинокие
В поржавевшей неживой листве,
Плесневеют стены пустоокие
В нежилом паучьем колдовстве.

Никогда глазницы застекленные
Теплым не засветятся огнем.
Не поднимет голову зеленую
Дерево, перерастая дом.

Не вскипит уборами весенними,
Белыми, совсем без желтизны,
Зачиная в соловьином пении
Ягоды под ласками луны.

(Павлов, 2001: 24)

В этом стихотворении мы видим также тему зачатия, закольцовывающую цикл, и параллелизм между циклами природы и человека (образ покинутого дома).

В целом мотив человеческой смерти, звучащий в творчестве Павлова, позволяет поэту ввести в систему образов значимую для философии Хайдеггера (Хайдеггер, 1997) стратегию — осознание и принятие собственной смертности. Эта стратегия оказывается ключевой в стихотворении «Далекой раны зимнего заката...», написанном до статьи о Тютчеве, в 1978 году. Тем не менее эпиграфом для него Павлов обозначил строку Тютчева: «Если жизнь есть день...»; другими словами, об интуициях Тютчева, анализируемых в статье, Павлов размышлял и до начала обучения в Петрозаводском университете — и уже тогда поэтически проживал их и переносил на контекст своей жизни. Начинается при этом стихотворение непосредственно темой цикличности в природе (хотя уже в связи с «кровавостью» восхода и заката — цикличностью космического времени и вращения Земли¹⁰, а не живой природы).

Далекой раны зимнего заката
Касались хлопья серых облаков.
Багровым напиталась неба вата,
Стремительно темнела солнца кровь.

Вставала ночь, все краски остывали,
И мало кто не опустил лица

Перед суровым небом цвета стали,
Переходящим в синеву свинца...

Недавним утром на седом Востоке
Другую кровь скрывали облака.
И так всегда. Небесные намеки
Рисует нам незримая рука.

На Севере кратка судьба поэта,
Как зимний день. Здесь Запад и Восток,
Сойдись, так мало оставляют света,
Что он без боли свой встречает рок.

Его друзья, что собрались на тризне,
Глядят сурово, скорбь свою тая.
Ослеплены неверным солнцем жизни,
Они не видят звезд небытия.

Лишь ночь откроет: не одно есть Солнце!
Не многие о звездах помнят днем.
Над сводом неба и в глуби колодцев
Они горят незаблемым огнем.

(Павлов, 2001: 103–104)

Здесь мы узнаём образ, близкий к теме «двойной бездны» из статьи о Тютчеве, — горение звезд «над сводом неба и в глуби колодцев». При этом важно, что речь здесь идет не об отражении звезд в колодцах; Павлов отсылает к представлению о том, что из глубокого темного колодца звезды видны даже днем. Образ получается несколько другой: видны не отраженные звезды, а те же, что неизменно горят в космосе — невидимо для находящегося на Земле человека днем и видимо — ночью, где ночь очевидно отсылает к смерти, а соответственно колодцы — к той оптике, которая уже при жизни позволяет увидеть то, что для всех откроет смерть.

Это же стихотворение опубликовано и в другой редакции, которую Павлов закончил в 1990 году. В итоговой версии стихотворение называется «Кольца Иосифа». В нем мы уже видим не только параллелизм между цикличностью природы и человеческой жизни, но и использование богословского хода, обнаруженного при работе с наследием Тютчева: цикличность природы соединяется с темой смерти (и, добавляет Павлов, рождения) Бога, а также со священной историей (образом Иосифа из Ветхого Завета, брошенного братьями в колодезь):

Порезы охладевшего заката
затягивались. Стылые стога
и облаков растрепанная вата,
и плотная — февральские снега —
уже не красным, а лилово-черным
напитывались. Этот цвет чернил
был труднорастворимым и упорным —
до частых звезд во тьму переходил.

А поутру, светлея симметрично —
во времени, рассвет дымился ал.
Известна и весьма неограниченна
метафора, хоть и не выставлял
ее никто в стихах своих публично:

в крови рождался и околевал
 (от «коло» — «круг») и Пушкин-зубоскал,
 и Бог, и царь, и этот день обычный,
 в котором автор по снегам блуждал.

Не торопись с готовой укоризной —
 астральный штамп хочу продолжить я:
 ослеплены бессонным солнцем жизни,
 мы забываем про небытия
 открытый космос. Не одно есть Солнце!
 Не многие о звездах помнят днем.
 Они мерцают в глубине колодца,
 в слезах наполовину инородца
 и мертвеца — о царствии своем.

(Павлов, 2001: 110)

При этом нельзя сказать, что все философские интуиции поэзии Павлова сводятся только к тому, что поэт обнаружил у Тютчева. Это, кроме прочего, связано с необходимостью осмыслить иной, чем у Тютчева, контекст — советский. Помимо стихотворений о природе, отсылающих, как правило, к деревне Шожме в Архангельской области, где ребенком Павлов часто бывал у бабушки, интересовался деревенским бытом и местными диалектами (Богданова, 1995: 8–10), у поэта есть множество стихотворений, посвященных советскому индустриальному модерну, противопоставляемому Павловым как природе, так и религии. Это столкновение поэт также вписывал в уже знакомую нам систему образов, что видно в строфе:

Во времени земля и небо сходятся.
 Не отступает этот горизонт.
 У врат небесных плачет Богородица
 Над струпьями индустриальных зон.

(Павлов, 2001: 19)

Осмыслению советского опыта посвящены многие стихотворения Павлова. Стихотворение о Северодвинске — «Закрытый город» (Павлов, 2001: 78) — уже было подробно проанализировано А. Г. Лошаковым и Р. В. Поповым (Лошаков, Попов, 2018: 42–44); обратим внимание, что и там возникает тема природы — как отсутствующей («Где ты, море? Где берег реки?»). Из критических по отношению к советскому проекту — с позиций религии — стихотворений можно особо отметить обращенное к Ленину «Ты сам» (Павлов, 2001: 65–66). Оно, как и ряд других, вводит цикличность в историософию Павлова, так что, понимая эпоху советского атеизма в мортальных образах («стихает богоносная земля после аборта»), поэт в последних строках надеется на духовное возрождение России через Иисуса Христа:

А за штыками караула
 Спас
 крадется мертвых поднимать с постели.

(Павлов, 2001: 66)

Духовное, религиозное возрождение во Христе окажется для России, согласно Павлову, и возрождением культурным. Среди стихотворений, раскрывающих эту мысль, можно особо выделить «Обрыв» (1987, 1992), завершающийся строфой:

Если воды очистятся снова,
В глубине засветлеет лицо,
И всемирного русского слова
Полыхнет золотое кольцо.

(Павлов, 2001: 109)

В стихах, посвященных осмыслению советского периода, тютчевский параллелизм между божественным и природным подкрепляется Павловым через единство их общего другого — СССР с его атеизмом и модернизацией. Приведем лишь один пример — стихотворение «Пальма и сосна» (1989):

Снят с киота зоркий Иисус —
Там сейчас зеленое миганье,
Странный запах и тяжелый груз
Элементов электропитанья.
Под кистями пальмовых ветвей,
Что прибил прапрадед мой, паломник,
Между маслянистых батарей
Утеснился радиоприемник.
Зазвучала правильная речь,
Странная для северного уха,
А икону унесла за печь
Тихая высокая старуха.
Здесь сосной густое помело
Осенило сумрак глаз Господних.
Хлебная лопата, как весло,
Чугуны, ухват и сковородник...

Через все болота и леса
К нам пробилась перекличка мира,
И дядя ловили «голоса»
В хриплых дебрях радиоэфира.
Но презрев такие чудеса,
Я толкался у печного устья,
Где огонь живил Его глаза
Палестинской и российской грустью.

(Павлов, 2001: 59)

При этом, что важно, осмысляя советский опыт, Павлов не утверждал, что нужно сделать вид, будто советского периода в российской истории не было, и дистанцироваться от него, не считая его своим. Павлов сам — уроженец и житель основанного Сталиным военного города, а в последние годы жизни — сотрудник бывшей коммунистической газеты. Поэтому и «Закрытый город» Павлов заканчивает строками:

Но мы приняли это наследство,
и придется отыскивать средства
сообща заплатить все долги.

(Павлов, 2001: 78)

Таким образом, мы видим, что, помимо ходов Тютчева и немецких романтиков, в религиозно-философском мировосприятии Павлова присутствуют и другие темы, связанные, во-первых, с бóльшим, чем у Тютчева, акцентом на теме собственной смертности и, во-вторых, с позиционированием Павловым своей поэтической мысли в исторической (советская эпоха) и географической (Русский Север, представленный двумя контекстами: северная деревня с живой природой и местными говорами — и закрытый индустриальный город) фактичностью, отличной от контекста Тютчева. Два эти аспекта мысли Павлова связаны: мы видели, что и свою смертность он осмыслял через контекст Севера («На Севере кратка судьба поэта...»). Оба этих аспекта творчества Павлова, вкупе с влиянием (через Тютчева) немецкого романтизма и натурфилософии, показывают его близость Хайдеггеру. Однако можно ли говорить об этой близости, если на момент написания большинства стихотворений и статьи о Тютчеве Павлов о Хайдеггере даже не слышал?

Здесь хочется вспомнить одно замечание А. В. Михайловского о теме влияний в интеллектуальной истории. Размышляя о сходстве правых и левых немецких интеллектуалов в критике теории и практики технократического рационализма, Михайловский замечает, что оно неслучайно. Это, на первый взгляд,

может быть объяснено неким «влиянием», но мы предпочитаем брать такое объяснение в кавычки как нестрогое, поскольку оно *всегда* основывается на контингентных фактах. *Фактор влияния одного автора на другого в интеллектуальной сфере вообще не может не быть случайным; и, наоборот, потребность в рецепции некой мыслительной конструкции, помогающей решить определенную проблему или найти ответ на вызов hic et nunc, является необходимой и неотменимой* (Михайловский, 2024: 117).

На материале мысли Павлова мы убеждаемся в верности замечания о контингентности «влияний». Если бы Павлов работал в ИНИОН РАН в Москве, а не в северодвинском ДК, то вряд ли мог бы не знать о Хайдеггере — и уже через его философию осмыслял бы темы фактичности, смертности, поэзии как альтернативы научно-техническому познанию, критики модерна. И, на наш взгляд, именно Хайдеггеру по своим базовым философским (но, пожалуй, не богословским) интуициям Павлов оказывается особенно близок. Ссылки же Павлова на Юнга объясняются как раз-таки контингентными факторами социологии знания, а именно — недоступностью сведений о философии Хайдеггера на фоне знакомства (благодаря статье Аверинцева) с теорией архетипов, довольно популярной в то время. Будучи творчески приложена к «архетипам» Тютчева, эта теория позволила Павлову решать те же задачи, которые, с опорой на философию Хайдеггера, в Москве решал В. В. Биbihин: обосновать необходимость осмыслять мир и наше место в нем на альтернативных сциентизму путях, показать значение поэзии для такового осмысления и, в контексте этого, искать «другое начало» в пространстве русской культуры (Биbihин, 2003).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Национальная философия и культура: традиционные духовно-нравственные ценности», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² The results of the project “National philosophy and culture: spiritual and moral values”, carried out within the framework of the Basic Research Program at HSE University, are presented in this work.

³ Хотя в самой машинописи год написания статьи не указан, с высокой точностью можно в качестве такового указать 1984 год — год защиты курсовой работы. Другими словами, написание текста могло быть начато и в 1983 году, а доработка статьи для «Вопросов литературы» — продолжена в 1985-м (свидетельств не сохранилось), но все же, на наш взгляд, наиболее уместно датировать текст 1984 годом. Год защиты подтверждается внутренней рецензией на курсовую работу от 26 мая 1984 года, также содержащейся в архиве матери поэта. Рецензент В. Н. Захаров, положительно оценив работу, отметил, что «курсовая подготовлена в объеме дипломной работы», однако оставил и критику, в том числе замечание в постскрипуме: «Совершенно не по правилам оформлены библиографические сноски!!!».

⁴ В 1994 году Кублановский писал: «...Так случилось, что Павлов был, пожалуй, первым провинциальным стихотворцем, с которым я встретился после своих восьми лет на чужбине, и он удивил, даже поразил меня “подключенностью” к культурному процессу, тонкостью своего мирочувствования, верностью миропонимания. То, что в нашей глубинке есть такие умы, такие дарования — обнадеживало. И порадовало — свобода от расхожих клише, та золотая средняя линия, которая позволяет органично, а не доктринально глядеть на жизнь. В беглом, типично российском, перескакивающем с предмета на предмет разговоре нашем на московском весеннем Бульварном кольце, многое было сказано: мы оказались единомышленниками. [...] А чуть позднее, узнав стихи Ильи Павлова, я и в них увидел как бы продолжение и развитие того нашего московского разговора: разумное равновесие творческой свободы и каноничности. В лучших вещах поэта есть нота, которую при всем своеобразии можно определить как “ноту Николая Рубцова”: чистый беспримесный лиризм, детская прозрачность души. В современной литературе, столь искусно сделанной, опосредованной игрой и иронией, такая чистота — почти невероятная редкость» (Кублановский, 2001: 9–10). Оценку Кублановского ср. с замечаниями исследователей об отличии литературы Русского Севера в целом от контекстов, ориентированных на принципы постмодернизма, иронию, игру и следование литературной моде (Любомудров, 2017: 102–103).

⁵ Здесь мы не касаемся подборок в газетах, журналах и коллективных сборниках. Ряд публикаций такого уровня увидел свет и при жизни поэта ((Павлов, 1988, 1991) и др.).

⁶ О христианском мирозерцании Павлова сами за себя говорят его стихи (Павлов, 2001: 14–147), а также все посвященные поэту мемориальные тексты ((Богданова, 1995; Тюкачев, 1997; Кочуров, 2002) и др.). Здесь же приведем лишь несколько строк из письма Павлова детям от первого брака, написанного за несколько дней до смерти: «Из Ваниного рисунка я понял, что бывает, когда Солнце скрывается за тучами. Неприятности закрывают радостный Божий мир. Но Солнце и, тем более, Господь наш Иисус Христос воссияет во всей красе. Как бы то ни было, живите с детства с Богом в душе. ... Я люблю вас, а Бог любит еще больше, хотя сами понимаете, детей у Него во всех странах куда как много. В том числе и больших, как я, мама... Жизнь вокруг трудна и некрасива и вряд ли скоро исправится. Разве только промыслом Божиим. Но есть возможность прожить достойно, если быть умными и сильными» (Богданова, 1995: 30).

⁷ В книге «Огонь преображения» — наиболее полном и качественном издании стихов Павлова — опубликовано несколько газетных статей, в том числе на богословские темы, и ряд заметок из «Месяцеслова» (Павлов, 2001: 149–190).

⁸ Помимо публикаций в газете, Павлов в целом принимал активное участие в первых этапах православного возрождения в Северодвинске. К этим этапам можно отнести: открытие храмов на о. Ягры (куда был перевезен деревянный храм из Солзы) и на ул. Торцева (где вначале возникла община протоиерея Аркадия Кононова и молилась без храма, затем ей выделили помещение в закрытом детском саду, который впоследствии был переоборудован в храм), часовни в Куртыево (Тюкачев, 1997: 66–67).

⁹ То есть Зарина Павлова (Богданова).

¹⁰ Теме космического времени также посвящены и другие стихотворения Павлова — включая так и озаглавленное «Время космическое» (Павлов, 2001: 22).

ЛИТЕРАТУРА

- Апаева А. Ю. (2015). Онтология произведения искусства. Интерпретация поэзии у Мартина Хайдеггера: дис. ... канд. филос. наук (09.00.03). М.: НИУ ВШЭ.
- Бибихин В. В. (1989). Предисловие к публикации. К столетию Мартина Хайдеггера // Вопросы философии. № 9. С. 109–115.
- Бибихин В. В. (2003). Другое начало. СПб.: Наука.
- Богданова З. И. (1995). Душа не умерла твоя (воспоминания о сыне). Вологда: Андрогин.
- Гравин А. А. (2025). Феномен круга Лосева: социальный и историко-философский аспекты // Вопросы философии. № 4. С. 148–157.
- Кочуров Н. Н. (2002). Философ Н-ский, интеллектуал // Северный рабочий. 2002. 23 июля. URL: <https://vk.com/@-57927838-pavlov-ig-1954-1992> (дата доступа: 22.06.2025).
- Кублановский Ю. М. (2001). «Русским чувством согрет и остужен...» // Павлов И. Г. Огонь преображения: стихи, критика, заметки. Архангельск: Солти. С. 9–11.
- Лошаков А. Г., Попов Р. В. (2018). О трагической ипостаси Северодвинского поэтического текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. № 6. С. 39–52.
- Любомудров А. М. (2017). Север России в истории русской литературы XX века (по материалам словаря Пушкинского Дома) // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимовой и А. Г. Лошакова. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс. С. 92–104.
- Михайловский А. В. (2024). Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М.: Акад. проект.
- Павлов И. Г. (1988). Память огня: стихи // Север. № 8. С. 56–57.
- Павлов И. Г. (1991). Стихи // О Севере, о жизни, о любви: сб. стихов и прозы. Северодвинск: Сев. неделя. С. 136–140.
- Павлов И. Г. (1992). Три стихотворения // Вестник Русского христианского движения. Париж — Нью-Йорк — Москва. № 166. С. 155–157.
- Павлов И. Г. (1993). Делатель совести: сб. стихов. Вологда: Андрогин.
- Павлов И. Г. (2001). Огонь преображения: стихи, критика, заметки / сост., подгот. текста З. Богдановой и М. Попова. Архангельск: Солти.
- Павлов И. Г. (2008). Избранное: стихи. Архангельск: Правда Севера. (Лауреаты премии им. Николая Рубцова).
- Тюкачев С. В. (1997). На русском направлении. К истории одной рубрики в газете // Газета выходит всегда: сб. очерков и материалов к 60-летию газ. «Северный рабочий». Северодвинск: [Ред. газ. «Северный рабочий»]. С. 64–67.
- Хайдеггер М. (1993). Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика. С. 221–238.
- Хайдеггер М. (1997). Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem.
- Шиллер Ф. (1974). Боги Греции / пер. с нем. М. Лозинского // Багровое светило. Стихи зарубежных поэтов в переводе Михаила Лозинского. М.: Прогресс. С. 68–72.

REFERENCES

- Апаева А. Ju. (2015) *The Ontology of a Work of Art. Interpretation of Poetry by Martin Heidegger* (PhD thes.), Moscow: HSE Univ.
- Bibikhin V. V. (1989) "The Preface to the Publication. On the Centenary of Martin Heidegger", *Voprosy Filosofii*, no. 9, pp. 109–115.
- Bibikhin V. V. (2003) *Another Beginning*, Saint Petersburg: Nauka.

Bogdanova Z. I. (1995) *Your Soul Is Not Dead (Memories of My Son)*, Vologda: Androgin.

Gravin A. A. (2025) "The Phenomenon of Losev's Circle: Social and Historical-Philosophical Aspects", *Voprosy Filosofii*, no. 4, pp. 148–157.

Heidegger M. (1993) "Die Frage nach der Technik", Heidegger M. *Time and Being: Articles and Speeches*, Moscow: Respublika, pp. 221–238.

Heidegger M. (1997) *Sein und Zeit*, Moscow: Ad Marginem.

Kochurov N. N. (2002) "A Philosopher from N-sk, an Intellectual", *Northern Worker Newspaper*, July 23, 2002 (<https://vk.com/@-57927838-pavlov-ig-1954-1992>, accessed on 22.06.2025).

Kublanovsky Yu. M. (2001) "Warmed and Cooled by the Russian Feeling...", Pavlov I. G. *The Fire of Transfiguration: Poems, Criticism, Notes*, Arkhangelsk: Solti, pp. 9–11.

Loshakov A. G., Popov R. V. (2018) "On the Tragic Aspect of the Severodvinsk Poetic Text", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. 6, pp. 39–52.

Lyubomudrov A. M. (2017) "Russian North in the History of Russian Literature of the 20th Century (Based on the Materials of the Dictionary of the Pushkin House)", *The Northern Text As the Logos Form of Being of the Russian North: A Monograph* (comp., ed. by E. Sh. Galimova a. A. G. Loshakov), vol. 1, Arkhangelsk: Imidzh-Press, pp. 92–104.

Mikhailovsky A. V. (2024) *The Pendulum of Modernity: Discussions about Technology in Germany*, Moscow: Acad. Project.

Pavlov I. G. (1988) "Memory of Fire: Poems", *The North Journal*, no. 8, pp. 56–57.

Pavlov I. G. (1991) "Poems", *About the North, about Life, about Love: Collection of Poetry and Prose*, Severodvinsk, pp. 136–140.

Pavlov I. G. (1992) "Three Poems", *Le Messenger*, no. 166, pp. 155–157.

Pavlov I. G. (1993) *The Maker of Conscience: A Collection of Poems*, Vologda: Androgin.

Pavlov I. G. (2001) *The Fire of Transfiguration: Poems, Criticism, Notes*, Arkhangelsk: Solti.

Pavlov I. G. (2008) *Selected Poems*, Arkhangelsk: Pravda Severa.

Schiller F. (1974) "Die Götter Griechenlandes", *The Crimson Sun. Poems of Foreign Poets Translated by Mikhail Lozinsky*, Moscow: Progress, pp. 68–72.

Tyukachev S. V. (1997) "On the Russian Direction. To the History of a Column in the Newspaper", *The Newspaper is Released Consistently. Collection of Essays and Materials for the 60th Anniversary of "Northern Worker Newspaper"*, Severodvinsk, pp. 64–67.